

**РЕЦ. НА КН.: ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО. Т. 107.
В ДВУХ КНИГАХ. ЖУРНАЛ «РУССКОЕ БОГАТСТВО»
Н.К. МИХАЙЛОВСКОГО. ИЗ ПЕРЕПИСКИ ЧЛЕНОВ
РЕДАКЦИИ, АВТОРОВ И СОВРЕМЕННОКОВ. 1890–1903.
Кн. 1: 1890–1899. Кн. 2: 1900–1903. М.: ИМЛИ РАН, 2022. 680 с.,
илл.; 658 с., илл.**

М.В. Михайлова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; mary1701@mail.ru*

Аннотация: В рецензии анализируются составившие 107-й том «Литературного наследства» материалы, связанные с существованием и функционированием журнала «Русское богатство». Подчеркивается актуальность вводимых в научный оборот документов, рисующих напряженную жизнь этого печатного органа, вынужденного вести бесконечную борьбу с цензурными ограничениями. Отмечается, как материалы тома уточняют наши представления о деятельности некоторых журналистов и критиков, в частности А.И. Иванчина-Писарева, П.Ф. Якубовича, А.И. Богдановича, Ф.Д. Батюшкова, не привлекавших прежде пристального внимания, как получают освещение моменты внутриредакционных и межжурнальных столкновений, оттенки и нюансы которых во многом позволяют по-новому представить происходившие в культуре этого времени события.

Ключевые слова: Н.К. Михайловский; В.Г. Короленко; «Русское богатство»; цензура; народничество

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-04-19

Для цитирования: Михайлова М.В. Рец. на кн.: Литературное наследство. Т. 107. В двух книгах. Журнал «Русское богатство» Н.К. Михайловского. Из переписки членов редакции, авторов и современников. Кн. 1: 1890–1899. Кн. 2: 1900–1903. М.: ИМЛИ РАН, 2022. 680 с., илл.; 658 с., илл. // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 4. С. 212–220.

**REVIEW OF THE BOOK: LITERARY HERITAGE. VOL. 107. IN
TWO BOOKS. THE MAGAZINE RUSSIAN WEALTH BY N.K.
MIKHAILOVSKY. FROM THE CORRESPONDENCE OF
EDITORIAL BOARD MEMBERS, AUTHORS AND
CONTEMPORARIES. 1890–1903. BOOK ONE: 1890–1899. BOOK
TWO: 1900–1903. MOSCOW: IMLI RAN, 2022. 680 P., ill; 658 P., ill.**

Maria V. Mikhailova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; mary1701@mail.ru

Abstract: The review analyzes the materials that made up the 107th volume of *Literary Heritage* related to the existence and functioning of the magazine *Russian Wealth*. The relevance of the documents presented, depicting the busy life of this printing body, forced to wage an endless struggle with censorship restrictions, is emphasized. It is noted how the materials of the volume clarify our ideas about the activities of some journalists and critics, in particular A.I. Ivanchin-Pisarev, P.F. Yakubovich, A.I. Bogdanovich, F.D. Batyushkov, who did not attract close attention before; how the moments of intra-editorial and inter-journal clashes receive coverage, the shades and nuances of which in many ways allow us to imagine events that took place in the culture of that time in a new way.

Keywords: N.K. Mikhailovsky; V.G. Korolenko; *Russian Wealth*; censorship; narodnichestvo

For citation: Mikhailova M.V. (2023) Review of the Book: *Literary Heritage*. Vol. 107. In two books. The magazine *Russian Wealth* by N.K. Mikhailovsky. From the correspondence of editorial board members, authors and contemporaries. 1890–1903. Book one: 1890–1899. Book two: 1900–1903. Moscow: IMLI RAN, 2022. 680 p., ill.; 658 p., ill. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 4, pp. 212–220.

Писательница Анастасия Вербицкая, будучи молодой девушкой, лечила сердечные раны чтением статей Н.К. Михайловского, о чем сообщала в своей автобиографии, напечатанной в сборнике «На помощь учащимся женщинам» (М., 1901). А Ариадна Тыркова (1869–1962), известная общественная деятельница и писательница, Михайловскому была обязана... своим счастливым замужеством. Ходили слухи, что она была первой и единственной русской девушкой, которая не обратилась к молодому приехавшему в Россию английскому журналисту Гарольду Вильямсу с вопросом: читал ли он новую статью Михайловского? Этого оказалось достаточно, чтобы англичанин безоглядно в нее влюбился. Выглядит почти неправдоподобно, и так ли было на самом деле — неведомо, но сама по себе байка невероятно показательна. Она говорит о фантастической популярности и авторитете ведущего теоретика-народника, видного критика и публициста. Однако за более чем вековой срок полноценных работ о его жизни и деятельности, особенно литературной, появилось не так уж много, как, впрочем, и о журнале, которым он руководил чуть менее пятнадцати лет¹. Вообще, следует признать,

¹ В 2017 году в Воронеже вышла книга «Н.К. Михайловский: Человек. Мыслитель. Общественный деятель (к 175-летию со дня рождения)», но в ней практически ничего нет ни о литературно-критических взглядах, ни о принципах издательской деятельности.

что поздняя народническая критика и журналистика до обидного мало привлекали внимание ученых (в отличие от периода революционного народничества, который освещен все же достаточно полно, и то с марксистской точки зрения). Есть глава в коллективной монографии «Литературно-эстетические концепции в России конца XIX — начала XX в.» 1975 года, написанная М.Г. Петровой («Эстетика позднего народничества»), работы В.Н. Коновалова, осветившие этапы развития народнической критики, но в основном ограничивающиеся 70–80-ми годами, диссертации С.А. Локтевой и М.А. Денисовой, целиком посвященные позициям отдельных критиков, а также несколько других работ. Михайловский интересует главным образом философов, социологов, культурологов, но не литературоведов. Изучение его литературного наследия остановилось, по сути, на работах Г.А. Бялого, М.Г. Петровой и В.Г. Хороса конца 60-х — начала 90-х годов. То же можно сказать об исследованиях литературно-критического отдела журнала «Русское богатство». За исключением деятельности Короленко как публициста и редактора, филологи журналом не занимаются. И это притом, что он по популярности занимал на рубеже веков первое или второе место. Единственная диссертация о критическом отделе журнала была написана в 1965 г. Ж. Березовской. «Русское богатство» как печатный орган не представлен даже в достаточно полном труде «Литературный процесс и русская журналистика конца XIX — начала XX века. 1890–1904. Социал-демократические и общедемократические издания» (1981) (об обстоятельствах «невключения» статьи М.Г. Петровой в этот сборник упоминается в рецензируемом выпуске «Литературного наследия»).

Такое долгое перечисление понадобилось, чтобы яснее стал вклад коллектива ученых (О.Я. Алексеева, И.С. Багдасарян, В.М. Введенская, А.В. Востриков, А.В. Геворкян, М.А. Котова, А.В. Лавров, М.М. Павлова, М.Г. Петрова, В.В. Радзишевский, М.В. Строганов, М.А. Фролов), которые решились представить (в выдержках) обширную переписку членов редакции между собой, а также с писателями, печатавшимися в журнале, и людьми, так или иначе причастными к его появлению в новом виде. Также приведены отзывы современников, упоминавших журнал или публикуемые в нем произведения. В двух томах освещен так называемый «Михайловский период», т. е. то десятилетие, которое принято обозначать как «постнародническое». Материалы расположены по годам: читатель получает полное представление о проблемах и вопросах, которые занимали редакцию, критиков и читателей на определенном отрезке времени. Вскоре должны будут выйти еще два тома, в которых речь пойдет уже

о «Короленко-Анненковском» и «энесовском» (народно-социалистическая партия) периодах, с 1904 по 1918 годы.

Открывает первую книгу двухтомника основательная статья М.В. Строганова «Журнал “Русское богатство” 1892–1903: литература в центре общественной жизни», рассказывающая об истории существования журнала, о его месте в жизни русского общества и умственной атмосфере времени, об оценке в советские годы программы этого печатного органа как недостаточно демократичной, смене его издателей и формировании редакций. Особое место отведено в статье особенностям личности Михайловского, формирование которой началось в Горном институте, где царствовала муштра, применялась порка и где уже проявились строптивые черты характера вождя оригинального идейного направления, раскрывается существо его взглядов в дальнейшем, рассказывается о поисках места работы, накоплении знаний и выработке теоретической платформы в «Отечественных записках», наконец, о неоднократных ссылках и обретении постоянного пристанища в «Русском богатстве», где он наконец сумел проявить свои лидерские качества. Интересна попытка определения «специализации» Михайловского, который, по мнению Строганова, не был ни литературным критиком, ни философом, ни социологом. Возможно, подошло бы наименование «публицист», но автор статьи предпочитает охарактеризовать Михайловского (не без доли иронии) найденным самим деятелем словом «профан», памятуя о его «Записках профана». Строганов размышляет над тем, как соотносились в характере «борца на славном посту» диктаторские замашки и идейная непреклонность, что находит потом подтверждение в прямых высказываниях Михайловского в его письмах. Важна и корректировка устоявшегося мнения о роли Короленко в журнале в первое десятилетие. С фактами в руках Строганов доказывает, что на первых порах Короленко не оказывал сколько-нибудь заметного влияния на политику журнала. Одновременно исследователь берет под защиту беллетристику «Русского богатства» (она обычно оценивается как литература не очень высокого художественного качества), считая, что она, по сути, открывала новый вид литературы, сходный с non-fiction в современном значении понятия, и называет в качестве выдающихся произведений «Из мира отверженных» П.Ф. Якубовича и «Историю моего современника» Короленко. Из этой статьи читатель также узнает о принципах отбора материала для двухтомника, решениях о его расположении, трудностях «извлечений» из эпистолярия и дневников.

Можно ли, однако, согласиться с выводом М. Строганова, что со смертью Михайловского «умерла литература как притягательный

центр общественной жизни» [кн. I, с. 22]? Думается, что это суждение несколько смелое, но авторитета, подобного Михайловскому, в журнально-критической среде действительно больше не появилось. Поэтому естественно, что с именем Михайловского так или иначе связано большинство приводимых документов, откуда мы узнаем и о чертах характера этого журналиста и публициста (о чем уже упоминалось выше), о круге его друзей и единомышленников, о формировании требований, предъявляемых к писателям, которые должны были составить круг «Русского богатства», о внутриредакционной политике, о нескончаемом «романе» с цензурой, об оставлении позиции, о взаимоотношениях с другими органами печати.

И надо признать, что многие страницы читаются с неослабевающим интересом, потому что нередко одно и то же событие предстает увиденным глазами нескольких его участников, отчего приобретает объемность. Так, например, начинает выглядеть инцидент, произошедший между А.И. Богдановичем как фактическим редактором «Мира Божьего» и его издательницей М.К. Иорданской, тщательно и подробно прокомментированный составителями издания, для чего понадобилось привлечь воспоминания М.К. Куприной-Иорданской и дополнить характеристику произошедшего столкновения перепиской Ф.Д. Батюшкова и Короленко. Отчетливые видятся драмы в редакции, в которой назревал раскол, вынудивший уйти соратника-народника С.Н. Кривенко, который все более склонялся к «умеренности и аккуратности», в то время как Михайловский жаждал сохранить боевой дух. Помимо возможности уточнения оценок, касающихся болезненных ситуаций, в которых идейный разлад порождал эмоциональный надрыв, появились данные, позволяющие корректировать устойчивое мнение о Михайловском как о критике, лишенном эстетического чутья. По крайней мере, на фоне прямолинейного Мих. Протопопова он выглядит значительно более внимательным к явлениям, которые не были ему близки. Так, он призывал последнего отказаться от «огульного» осуждения всех поэтов не первого ряда, склонявшихся к неким новациям, призывая выделить Надсона и А. Федорова.

Очень много ценного содержит следующая за вступительной статья народника Н.С. Русанова, работавшего с архивом Михайловского в 1914 г. и буквально разложившего по полочкам сохранившиеся в архиве материалы. Ее републикация была абсолютно необходима, т. к. выстраивала в перспективе деятельность Михайловского до его прихода в «Русское богатство» и собирание им сил для обновленного печатного органа. Примечательно, что отдельно Русановым были выделены «женские письма» как сохраняющие особый колорит. Обнаруживаются обстоятельства личной жизни Михайловского,

проливающие свет на его отношения с сыновьями. Многие из писавших в этих случаях раскрываются с неожиданной стороны, что, конечно, является заслугой адресата, «сердечную сторону» которого многие очень ценят. Однако эти характеристики в свою очередь контрастируют с мнением противников эстетической и идейной позиции Михайловского, для которых он «гальванизированный труп» [кн. I, с. 297], не имеющий привычки читать что-либо, кроме Гл. Успенского (таков был отзыв П.П. Перцова, упрекавшего А. Горнфельда за измену «Северному вестнику»).

Благодаря публикации новых писем многие фигуры, ранее бывшие только лишь силуэтами на литературном небосклоне, вроде А.И. Иванчина-Писарева, выведены из тени. Становится понятно, что Михайловский, советуясь с ним, давая указания и пр., помнил не только о его народническом прошлом, но учитывал и его былую причастность к занятиям литературой. Начинаешь понимать, насколько он был необходим Михайловскому и в чисто бытовых вопросах и насколько политика журнала формировалась при его участии. То же самое можно сказать о Ф.Д. Батюшкове, который, несмотря на выдающуюся свою продуктивность в самых разных филологических областях, пока не занял достойного места в истории русской критики. Его ценнейшие психологические наблюдения за поведением писателей и нравами литературной среды добавляют живые краски в синхронное восприятие произведений, получивших со временем высокую аттестацию (случай Леонида Андреева, к которому сам Батюшков подошел со «сдержанной оценкой» в отличие от А.И. Богдановича, который «закусил удила» и принялся хвалить «не в меру» [кн. 2, с. 370], и восхищенного Куприна). А как ценны в письме к Короленко его общие рассуждения о соотношении в личности литератора художника и человека, хотя они и обращены к конкретному писателю! Хочется привести несколько цитат из этой обширной тирады: «А что касается вопроса об отношении к писателю и человеку, то, во 1-ых, по счастью, в Вас нет той двойственности, как у многих, у которых слова и дела далеко не согласуются; во 2-х <...> в Ваших произведениях я “прозрел” человека еще раньше, чем познакомился с Вами. Когда я узнал Вас ближе — отвлеченный образ оказался облеченным в плоть и кровь. До какой степени мне стал дорог “человек” — Вы это знаете, но пусть личная привязанность, развившаяся на почве благоговения перед художником и уважения к деятелю, сохранит для меня свое возвышающее значение <...>» [кн. II, с. 32].

Проясняется позиция П. Якубовича, который всегда считался проводником обветшалых эстетических установок. Теперь яснее становится стратегия его поведения и оказывается, что он обладал

даже чувством юмора, когда добровольно отдавал себя на растерзание литературной общественности. Так, он пишет Михайловскому о недругах журнала: «Пускай же, на здоровье, поточат об меня зубы в одну из своих “пятниц”» [II, с.10]. В то же время на примере Ан. Вербицкой видно, что журнал стремится сохранить объективность. Несмотря на прекрасные отношения писательницы с Михайловским, тот дал добро на публикацию довольно ядовитой рецензии Якубовича на ее повесть «Первые ласточки», которая представляла собою расширенное издание произведения, написанного почти пятнадцать лет назад и тогда же в усеченном виде появившегося на страницах «Русской мысли» под названием «Разлад». Поэтому Якубович, упрекая автора в наивной горячности, с которой тот высказывается «по поводу женского вопроса», можно сказать, несколько запоздал со своим недовольством и не учел, что писательница захотела наконец предъявить публике полную версию того произведения, которое некогда создала. Однако рецензия все же появилась на страницах журнала, а спустя какое-то время очередная повесть Вербицкой была напечатана в «Русском богатстве». Следовательно, «равновесие» было соблюдено. А приведенный адрес Вербицкой в честь Короленко, в котором она подчеркивает, насколько для нее в облике писателя важно единство слова и дела, добавляет штрих к ее писательской позиции, где наиважнейшим компонентом всегда было «содержание», а не «форма». Кроме того, становится очевидным, что с годами Якубович-критик вообще несколько смягчился. Он сам признавался, что с «острой стороной Гриневича»² [кн. II, с. 29] покончено. Но не тогда, когда речь заходила о сохранении приверженности старым идеалам. Показательна в этом плане его полемика с Е.А. Соловьевым-Андреевичем, что также доказывает широту Михайловского, пригласившего этого критика, явно испытывающего влияние марксизма, стать рецензентом «Русского богатства» в рубрике «Новые книги», что тот и осуществлял с мая 1898 по февраль 1899 г. А почти одновременно в промарксистском журнале «Жизнь» Соловьев-Андреевич опубликовал серию статей под названием «Семидесятые годы», где весьма нелестно отзывался об умонастроении народников, которое именовал «сословной идеологией старого барства», выражающейся в «“кающихся” формах» [кн. II, с. 68]. Этого, конечно, не мог потерпеть Михайловский, назвавший его «моменталистом-трансформистом» и «развязным» человеком³, за

² Под таким псевдонимом он печатал свои критические опусы.

³ См. его ст.: О г. Соловьеве как «моменталисте-трансформисте» и развязном человеке вообще // Русское богатство. 1899. № 7. Октябрь.

что почти сразу получил отповедь⁴. Якубович же чуть раньше в переписке причислил Соловьева-Андреевича к «несчастливым недоумкам» [кн. II, с. 67]. Однако все это не помешало Михайловскому заметить в августе 1898 г.: «отзыв Мельшина⁵ <...> вполне у нас уместен и не помешает С<оловьеву> работать у нас по библиографии» [кн. I, с. 577].

Отдельно стоит упомянуть о принципах работы редакции с молодыми авторами. Михайловский, возможно, нашел почти идеальную пропорцию между строгостью и благожелательностью, что всегда стимулирует начинающего писателя и критика. С одной стороны, важно не погасить пыл, с другой — не дать развиться самолюбию. Яркий тому пример — реакция Горнфельда на отказ Михайловского напечатать его статью о Чехове и запомнившийся ему разговор с редактором «Русского богатства». Горнфельд не только не был обескуражен, но оказался даже вдохновлен: «Домой еду исполненный бодрости и надежд <...> а все — связь с “Русским богатыством”» [кн. I, с. 299].

Даже известные письма начинают звучать по-иному, появившись в окружении других документов. Так, серьезные сомнения Короленко по поводу принятия руководства «Русским богатством», которыми он делится с женой, Евдокией Семеновной Иваницкой, во многом ярко высвечивают их отношения, указывая на глубокую идейную близость, существовавшую между супругами.

К такому основательному, высокопрофессиональному труду сложно предъявлять претензии. Да, заметишь где-то неточность: Короленко «...отстранил Иванчина-Писарева, который при жизни Михайловского был персоной non grata» [кн. I, с. 26]. (На самом деле Михайловским этот деятель был очень любим и привечаем.) Где-то хотелось бы получить более подробные объяснения: почему, например, «современники хорошо чувствовали различие между стихами Тана и самого Якубовича» [кн. II, с. 30], а сегодня разница не очень ощутима? Но при столь обширных, развернутых комментариях, где привлечены свидетельства, мемуары заинтересованных сторон, позволяющие видеть прошедшее в полном объеме, рука не поднимается выискивать «блох». Конечно, вдумчиво осилить этот большой, почти в 1400 страниц труд в один присест нелегко, тем более что представленные на суд читателя факты расшатывают уже сложившиеся в сознании схемы. Уверена, к этому труду будут обращаться и поколения литературоведов, каждый раз находя новые подтверждения возникающим концепциям.

⁴ См. его ст.: О сословном духе литературы. (Ответ гг. Михайловскому, Скабичевскому и др.) // Жизнь. 1899. № 11.

⁵ Псевдоним Якубовича для прозаических произведений.

Отдельно отметим богатый иллюстративный материал. Почти убеждена, что никому, кроме специально занимающихся творчеством Короленко, не были известны его прекрасные (возможно, на взгляд искусствоведов, и несколько академически-ученические) рисунки. Меня же просто подкупила открытка с кошечкой, исполненная акварелью, графитным карандашом и белилами. Интересны и фотографии всех участников литературного процесса того времени (прекрасны женские портреты Л. Маклаковой, Л. Гуревич; с мужскими мы все же лучше знакомы, они встречаются в книгах), фото обложек изданий.

Известно, что работа будет продолжена. Предстоит осветить самый сложный период существования журнала, когда не только не оформилось крепкого беллетристического ядра (беллетристика «Русского богатства» была очень разношерстной и в годы «правления» Михайловского), но и критический отдел «пестрел» фамилиями людей, таких, например, как Горнфельд и А. Редько (писавший в содружестве с женой), предъявляющих литературе различные требования. Предстоит найти точные определения и для общественно-политической платформы журнала в период Первой мировой войны и в преддверии 1917 года. Но уже предъявленный труд служит залогом и будущего свершения.

Поступила в редакцию 29.03.2023

Принята к публикации 15.04.2023

Отредактирована 10.05.2023

Received 29.03.2023

Accepted 15.04.2023

Revised 10.05.2023

ОБ АВТОРЕ

Михайлова Мария Викторовна — доктор филологических наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; mary1701@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Maria Mikhailova — Prof. Dr., Professor, Department of the History of Modern Russian Literature and Contemporary Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; mary1701@mail.ru